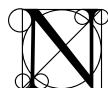

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
АПЕЛЛЯЦИЯ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham

THE APPEAL

Перевод с английского *Е.И. Филипповой*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*,
студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Апелляция :[роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. Е. И. Филипповой]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-086014-2

Крупная химическая корпорация, долгие годы отравлявшая питьевую воду, привела городок на американском Юге к катастрофе — многие его жители стали жертвами тяжелых болезней, а некоторые умерли.

Однако маленькая юридическая фирма сумела совершить практически невозможное — выиграть дело против промышленного гиганта. И теперь в пользу пострадавших должны перечислить 41 миллион долларов.

Справедливость восторжествовала? Увы, до этого еще далеко. Миллиардер, владеющий корпорацией, готов на любую подлость, лишь бы не платить людям. Игра еще не закончена, считает он, намереваясь привести в действие особый план, способный до основания разрушить дело изнутри...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc., 2008

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2016

ISBN 978-5-17-086014-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Эта книга — художественное произведение. Имена, герои, названия компаний, организаций, места, события и происшествия либо придуманы автором, либо использованы в вымышленном контексте. Любое совпадение с реальными лицами, как живыми, так и умершими, событиями или местами, является случайным.

Посвящается профессору Роберту К. Хайату

Часть I

ВЕРДИКТ

Глава 1

Присяжные были готовы. После 42 часов обсуждений, последовавших за слушанием, длившимся 71 день, которое включило в себя 530 часов показаний четырех дюжин свидетелей, и после целой вечности, проведенной в молчаливом наблюдении за тем, как пререкаются юристы, судья читает нравоучения, а зрители, словно хищные птицы, только и ждут новых изобличающих фактов, присяжные были готовы. Запершись в кабинете для совещаний, тихом и уединенном, десять из них с удовлетворением написали свои фамилии на вердикте, в то время как двое других с обиженным видом стояли в углу, угнетенные и несчастные из-за того, что их мнение не совпало с мнением большинства. Люди обнимали друг друга и улыбались, и такая эмоциональность была вполне оправданна — уцелев в этой маленькой войне, они теперь могли с гордостью вернуться на поле боя с решением, которое удалось спасти лишь благодаря упорству и упрямым поискам компромисса. Их мучениям пришел конец, их гражданский долг был выполнен. Они отслужили добросовестно и даже более того. Они были готовы.

Председатель коллегии присяжных заседателей постучал в дверь, разбудив задремавшего старика Джо. Старик Джо, судебный пристав почтенного возраста, обеспечивал их охрану и, кроме того, занимался организацией питания, выслушивал жалобы и тайком передавал суть их переговоров судье. Еще поговаривали, что в молодости, когда слух у старика Джо

был намного лучше, он подслушивал прения присяжных заседателей через тонкую сосновую дверь, которую сам же выбрал и установил. Теперь подслушивать он уже не мог и по секрету своей жене — и только ей! — поведал о том, что после окончания этого мучительного процесса он скорее всего избавится от своего старого пистолета раз и навсегда. Слишком тяжелым стало для него бремя надзора за отправлением правосудия.

Джо улыбнулся и сказал:

— Прекрасно, я позову судью.

Как будто судья находился где-то в недрах здания суда и только и ждал, когда его позовет старик Джо!..

Вместо этого он остановил секретаря и сообщил чудесную новость. Это и правда было замечательно. В старом доме правосудия никогда еще не проводились столь долгие разбирательства с участием такого огромного количества людей. Завершить такой процесс, не приняв решения, было бы позором.

Секретарь чуть слышно постучала в дверь кабинета судьи, затем шагнула внутрь и радостно объявила:

— У нас есть вердикт. — Прозвучало это так, будто она лично проводила трудные переговоры и теперь продемонстрировала результат своей работы, словно преподносила щедрый подарок.

Судья закрыл глаза и вздохнул, глубоко и удовлетворенно. На его лице отразилась счастливая, слегка нервная улыбка, в которой виделось облегчение, даже неверие, и наконец он сказал:

— Соберите юристов.

После пяти дней раздумий судья Харрисон почти смирился с мыслью, что коллегия присяжных может и не прийти к общему решению. Это был самый страшный из его ночных кошмаров. По прошествии четырех лет с начала сложнейшей судебной тяжбы и четырех месяцев слушания дела по существу одна только перспектива дальнейших проволок приводила его в ужас. Он не желал даже думать о том, чтобы пройти через это снова.

Он обул старые ботинки, вскочил с кресла, улыбаясь, как маленький мальчик, и потянулся за мантией. Наконец-то

закончился этот процесс, самый длинный за его весьма долгую карьеру.

Прежде всего секретарь позвонила в «Пейтон энд Пейтон», семейную фирму, возглавляемую супружеской парой. Их офис располагался в заброшенном здании магазина дешевых товаров на окраине города. Помощник юриста подошел к телефону, на пару секунд приложил трубку к уху, затем бросил ее на рычаг и закричал:

— Присяжные вынесли вердикт! — Его голос эхом разнесся по извилистому лабиринту маленьких временных кабинетов и заставил встрепнуться всех его коллег.

Он прокричал это еще раз и помчался к «бункеру», где спешно собирались остальные сотрудники. Уэс Пейтон уже был там, а когда внутрь вбежала его жена Мэри-Грейс, их глаза на долю секунды встретились, полные неистового страха и изумления. Два помощника юриста, два секретаря и бухгалтер выстроились у длинного, заваленного бумагами рабочего стола и замерли, глядя друг на друга в ожидании, что кто-то другой заговорит первым.

Неужели это и правда конец? После того как они прождали целую вечность, могло ли все закончиться столь быстро? Столь резко? Всего лишь одним телефонным звонком?

— Как насчет того, чтобы немного помолиться в тишине? — предложил Уэс. Взявшись за руки, они встали тесным кружком и стали молиться так, как не молились никогда раньше. К Господу Всемогущему понеслись разные просьбы, но все они сводились к одному — мольбе о победе. «Пожалуйста, милостивый Боже, после стольких ожиданий, и усилий, и потраченных денег, и страхов, и сомнений, пожалуйста, пожалуйста, только даруй нам священную победу. И избавь нас от унижения, краха, разорения и всех тех напастей, которые может принести неблагоприятный вердикт...»

Затем секретарь позвонил на мобильный Джареду Кертину — главному представителю защиты. Мистер Кертин мирно отдыхал на взятом напрокат кожаном диване в своем временном кабинете на Франт-стрит в деловой части города, в трех домах от здания суда. Он читал какие-то жизнеописания, лениво наблюдая за тем, как проходит час за часом, за каждый

из которых он получал по 750 долларов. Он спокойно выслушал звонящего, бросил трубку и сказал:

— Пойдемте. Присяжные готовы.

Его угрюмые солдаты вытянулись по стойке «смирно» и выстроились в ряд, чтобы сопроводить его на пути к еще одной сокрушительной победе. Они удалились без единого слова, без единой молитвы.

Далее секретарь обзвонил других юристов, затем репортеров, и вскоре новость уже разнеслась по улицам города и стала передаваться из уст в уста.

В это время где-то на верхних этажах высотного здания в нижнем Манхэттене охваченный паникой молодой человек ворвался на важную встречу и шепотом сообщил срочные новости на ухо мистеру Карлу Трюдо, который в ту же секунду потерял всякий интерес к предмету обсуждения, резко встал и сказал:

— Похоже, присяжные вынесли вердикт.

Он вышел из комнаты в длинный коридор и направился в просторный угловой кабинет, где снял пиджак, ослабил узел галстука, приблизился к окну и устремил взгляд на видневшуюся вдалеке во мгле ранних сумерек реку Гудзон. Он ждал и, как всегда, задавал себе один и тот же вопрос: как получилось, что благополучие его империи теперь всецело зависит от благоразумия двенадцати самых обычных людей, собравшихся в каком-то болоте в Миссисипи?

Для человека, который знал так много, ответ на этот вопрос до сих пор оставался неясным.

Люди отовсюду стекались к зданию суда, когда Пейтоны припарковались на улице позади него. Они немного посидели в машине, все еще держась за руки. Четыре месяца они старались не прикасаться друг к другу, оказавшись вблизи суда. За ними всегда следили. Возможно, кто-то из присяжных или репортеров. Важно было проявлять максимальный уровень профессионализма. Команда юристов, связанных узами брака, настолько удивляла многих, что Пейтоны старались относиться друг к другу как коллеги, а не как супруги.

И во время разбирательства редкие моменты, когда они могли быть вместе, случались где-то вдалеке от суда или других публичных мест.

— О чем ты думаешь? — спросил Уэс, не глядя на жену. Его сердце бешено колотилось, лоб взмок. Он все еще держался за руль, пытаясь расслабиться.

Расслабиться. Хорошая шутка.

— Мне никогда не было так страшно, — ответила Мэри-Грейс.

— Мне тоже.

Повисла пауза, пока они, тяжело дыша, смотрели, как автобус с оборудованием для съемок чуть не задавил пешехода.

— Сможем ли мы пережить проигрыш? — сказала она. — Вот в чем вопрос.

— Нам придется его пережить; у нас нет выбора. Но никто не говорил, что мы проиграем.

— Вот именно! Пойдем.

Они присоединились к остальным сотрудникам своей маленькой фирмы и вместе с ними вошли в здание суда. Там же, где и всегда, на первом этаже у автоматов с прохладительными напитками, их ждала клиентка, истица Дженет Бейкер. Едва увидев их, она сразу начала плакать. Уэс взял ее под одну руку, Мэри-Грейс — под другую, и они повели Дженет вверх по лестнице в главный зал суда на втором этаже. Они могли бы отнести ее туда на руках. Она весила меньше сотни фунтов и постарела на пять лет за время процесса. Дженет пребывала в глубочайшей депрессии, временами в полубреду и, хотя не страдала анорексией, просто не могла принимать пищу. В тридцать четыре года она уже успела похоронить мужа и ребенка и сейчас стояла на пороге завершения страшнейшего судебного процесса, который, как она теперь втайне думала, лучше было и не начинать.

Зал суда находился в состоянии полной боевой готовности, словно вот-вот должны были посыпаться бомбы и завывать сирены. Множество людей просто кружили по помещению, или искали места, или нервно болтали друг с другом, стреляя глазами по сторонам. Когда Джаред Кертин и вся армия представителей защиты вошли в боковую дверь, все вытаращили

глаза, как будто Кертину было известно что-то такое, чего не знают все остальные. День за днем в течение последних четырех месяцев он старательно доказывал, что умеет видеть то, что скрыто, но в тот момент лицо его ничего не выражало. Он что-то спокойно обсуждал с подчиненными.

У другой стены, всего в нескольких футах, чета Пейтон и Дженет садились на стулья у стола истца. Те же стулья, то же положение, та же тщательно продуманная стратегия, чтобы произвести впечатление на судей тем, как одна несчастная вдова и два ее одиноких юриста борются с гигантской корпорацией, располагающей массой средств и возможностей. Уэс Пейтон бросил взгляд на Джарета Кертина, их глаза встретились, и оба вежливо кивнули друг другу. Удивительно было то, что, несмотря на суд, эти двое еще соблюдали элементарные правила вежливости при общении друг с другом и даже разговаривали в случае крайней необходимости. Это был вопрос гордости. Независимо от омерзительности ситуации, а таких омерзительных ситуаций за время суда возникло немало, оба не желали опускаться ниже своего достоинства и всегда были готовы протянуть друг другу руку помощи.

Мэри-Грейс не оглядывалась вокруг, а если бы и оглядывалась, то не стала бы улыбаться или кивать. Хорошо, что она не носила с собой в сумочке пистолет, иначе половины людей в темных костюмах на другой стороне зала уже бы не было в живых. Она положила перед собой на стол большой блокнот форматом чуть больше А4, написала дату, затем свое имя; ей не приходило в голову, чем заняться дальше. За семьдесят один день слушаний она исписала шестьдесят шесть таких блокнотов, все одного размера и цвета, и сейчас они, аккуратно сложенные, лежали в подержанном металлическом шкафу в «бункере». Она подала Дженет бумажный носовой платок. Хотя Мэри-Грейс считала буквально все, что видела вокруг, даже она не могла уследить за количеством коробочек с пла точками, которые Дженет израсходовала за время слушаний. Как минимум несколько дюжин.

Женщина плакала, почти не останавливаясь, и, несмотря на то что в глубине души Мэри-Грейс была склонна к сочувствию, она жутко устала от этих чертовых рыданий.

Она устала от всего — от утомления, стресса, бессонных ночей, постоянной аналитической работы, расставаний с детьми, запущенной квартиры, кучи неоплаченных счетов, оставленных без внимания клиентов, холодной китайской еды, поедаемой в полночь, невероятных усилий, которые приходилось тратить на макияж и укладку каждое утро, чтобы предстать перед присяжными в более или менее приличном виде. Ведь это расценивалось как само собой разумеющееся.

Начать процесс по серьезному делу равносильно тому, чтобы нырнуть в темный, заросший водорослями пруд, надев спортивный пояс для отягощения. Успеваешь только набрать воздуха, и все остальное перестает существовать. И тебе всегда кажется, что ты тонешь.

Через пару рядов за Пейтонами, на конце скамьи, которую быстро заполняли люди, сидел их банкир и нервно грыз ногти, хотя и старался изображать спокойствие. Его звали Том Хафф, или Хаффи — для тех, кто хорошо его знал. Хаффи время от времени заглядывал на заседание, чтобы понаблюдать, как идут дела и помолиться про себя за успех дела. Пейтоны задолжали банку Хаффи 400 тысяч долларов, и единственной гарантией выплаты долга служил принадлежащий отцу Мэри-Грейс участок земли в округе Кэри. При самом удачном раскладе его можно было продать за 100 тысяч, а это значит, что большая часть долга ничем не обеспечивалась. Если Пейтоны проиграют дело, когда-то столь перспективная карьера Хаффи в качестве банкира будет окончена. Президент банка уже давно перестал на него кричать. Теперь все угрозы отправлялись по электронной почте.

Дополнительный ипотечный кредит в размере 90 тысяч долларов под повторный залог их милого деревенского домика словно провалился в черную дыру убытков и бессмысленных трат. Бессмысленных — по крайней мере по мнению Хаффи. Но милого домика они все же лишились, так же как и милого офиса в центре города, и привезенных из-за границы машин, и всего остального. Пейтоны поставили на карту все, и Хаффи не мог ими не восхищаться. Благоприятный вердикт — и все будут считать его гением. Неблагоприятный

вердикт — и он первым встанет за Пейтонами в очередь в суд по делам о банкротстве.

Финансисты с толстыми кошельками в другой половине зала суда не грызли ногти и вообще не особенно беспокоились о возможном банкротстве, хотя такая возможность и обсуждалась. У компании «Крейн кемикл» было много денег, доходов и активов, но при всем этом сотни потенциальных истцов, которые, подобно тому как хищные птицы кружат над добычей, ждали исхода дела. Сумасбродный вердикт — и иски полетят один за другим.

Но в тот момент они были уверены в своих силах. Джаред Кертин был лучшим юристом, которого можно купить за деньги. Акции компании лишь незначительно упали в цене. Мистер Трюдо в Нью-Йорке, казалось, был вполне удовлетворен результатами проделанной работы.

Им не терпелось отправиться домой.

Слава Богу, на сегодня торги на биржах уже закрылись.

Старик Джо прокричал:

— Оставайтесь на своих местах! — И судья Харрисон вошел в дверь позади предназначенного для него кресла. Он давно уже положил конец этому рутинному обычаю, требующему вскакивать с места всякий раз, когда он собирался занять свой трон.

— Добрый день, — быстро сказал он. Было уже почти пять вечера. — Присяжные сообщили мне о том, что вердикт готов. — Он огляделся вокруг, чтобы убедиться в том, что все ключевые игроки на своих местах. — Я требую соблюдения правил приличия при любых обстоятельствах. Никаких выпадов. Ни один человек не покинет зал суда до тех пор, пока я не отпущу присяжных. Есть вопросы? Не желает ли защита выступить с какими-либо еще фривольными предложениями?

Джаред Кертин и глазом не моргнул. Он вообще никак не реагировал на присутствие судьи, а просто продолжал бездумно рисовать что-то в своем большом блокноте, словно создавал некий шедевр. Если «Крейн кемикл» проиграет, они в отместку подадут апелляцию, и краеугольным камнем такой апелляции станет явная предвзятость достопочтенного Томаса Олсобрука Харрисона IV, бывшего адвоката, который сла-

вился своей нелюбовью к большим корпорациям в принципе и к «Крейн кемикл» в частности.

— Господин судебный пристав, пригласите присяжных.

Дверь рядом со скамьей присяжных открылась, и возникло ощущение, как будто весь воздух из зала суда засосало в гигантский невидимый вакуум. Сердца замерли. Тела одеревенели. Взгляды перестали блуждать по сторонам. Нарушало тишину лишь шарканье ног присяжных по изношенному ковру.

Джаред Кертин продолжал методичное рисование. Он привык не смотреть на лица присяжных, когда они возвращались с вердиктом. После сотни процессов он знал, что по их выражениям нельзя сделать никаких выводов. Так зачем думать об этом? Решение так или иначе будет объявлено через считанные секунды. Его команде были даны строгие указания не обращать внимания на присяжных и не показывать реакции при оглашении вердикта, каким бы он ни был.

Разумеется, перед Джаредом Кертином не маячила перспектива полного финансового и профессионального краха. В отношении же Уэса Пейтона все было в точности до наоборот, и он не мог оторвать взгляд от присяжных, наблюдая за тем, как они занимают места. Доярка отвела глаза — плохой знак. Школьный учитель смотрел прямо сквозь Уэса — еще один плохой знак. Когда председатель передавал секретарю конверт, жена священника бросила на Уэса взгляд, полный жалости, но, в конце концов, она сидела с таким грустным лицом на протяжении всего процесса.

Мэри-Грейс тоже увидела знак, хотя и не искала его. Подавая очередную салфетку Дженет Бейкер, которая рыдала навзрыд, Мэри-Грейс украдкой бросила взгляд на присяжного заседателя номер шесть, которая сидела к ней ближе всего, доктора Леону Рочу, бывшего профессора, преподавателя английского языка в университете. Доктор Роча через стекла очков для чтения в красной оправе одарила Мэри-Грейс самым быстрым, милым и загадочным взглядом, который ей когда-либо доводилось видеть.

— Вы вынесли вердикт? — спросил судья Харрисон.

— Да, ваша честь, — ответил председатель.

— Он был принят единогласно?